

Тамара Крюкова

ПЛАГИАТОР

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К85

Редактор серии *А. Цыганкова*

Оформление серии *Е. Петровой*

Крюкова, Тамара Шамильевна.

К85 Плаггиатор : роман / Тамара Крюкова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-235459-5

Несмотря на трудный путь к успеху, в последнее время Павлу везло. Его книги читают, отношения с женой стали близкими как никогда, да и новый роман, который он вынашивал два года, кажется, будет хитом продаж... Пока одна случайная встреча не разрушила всё.

Незнакомка в кафе кладёт перед ним старую папку с пожелтевшими листами — и Павел видит текст, который знает наизусть. Свой текст. Роман, который он писал два года, оказывается уже написан — слово в слово — сорок лет назад.

Совпадение? Чужая игра? Или он сам не знает о себе чего-то важного? Чтобы спасти своё имя и понять, где заканчивается правда и начинается самообман, Павел отправляется по следу чужой рукописи — и всё глубже проваливается в собственную жизнь, где уже давно что-то пошло не так.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235459-5

© Крюкова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Пекло стояло как в преисподней. Павел сидел в свете софитов и чувствовал, как потеет. Солнца метечкового масштаба жарили на совесть. Черт его дернул послушать жену и надеть пиджак и галстук. Знал ведь, что в студии жара, как на экваторе. Надо было одеться неформально, во что-нибудь легкое. В конце концов, он писатель, а не государственный деятель.

Хорошо еще, что он наотрез отказался от грима. В такой парилке усилия гримерши, которая перед записью колдует над гостями передачи, придавая им цветущий вид, свелись бы к нулю. Тут никакой макияж не выдержит. Не хватало еще выглядеть как пожилая кокетка, пытающаяся под слоем штукатурки спрятать изрядно поношенный фасад. Зато лысина наверняка блестела, как начищенный самовар.

Бриться наголо Павла заставила жизнь. После двадцати пяти шевелюра начала стремительно редеть, и он встал перед выбором: либо раз и навсегда расстаться с остатками волос, либо позорно расстилать жиденькие прядки по макушке в тщетных попытках замаскировать проплешину. В подобном ухищрении было что-то жалкое, как в уловках стареющих дамочек, надеющихся, что пудра и румяна помогут им выглядеть моложе. Никого этим не обманешь.

Павел решил вопрос кардинально — побрился налысо, навсегда распрощавшись с остатками былых вихров. Удобно, гигиенично и современно. Нынешние секс-символы щеголяли голыми макушками.

Впрочем, Павел за модой не гнался и тем более не претендовал на роль секс-символа. Он реалистично оценивал свою внешность. В молодости ему хотелось быть чуточку выше и мускулистее. Он был среднего роста, но по иронии судьбы все его университетские друзья с легкостью прошли бы отбор в баскетбольную команду. На их фоне Павел комплексовал и робел перед девчонками. Позже он понял, что наружность — далеко не все, что нужно женщинам, но к тому времени девушки отошли на задний план его интересов.

К сорока трем у него наметился животик. Жена регулярно предлагала ему присоединиться к походам в спортзал и подкачать пресс, но в данном вопросе Павел был кремень. Настоящий мужик должен уметь настоять на своем. Чего ради вставать ни свет ни заря и потеть на тренажерах? Под пиджаком живот почти не заметен, а если втянуть, то и без пиджака ничего. К тому же он не звезда экрана, ему героев-любовников не играть. Он писатель, и ему позволено выглядеть как угодно. Вон Лукьяненко весит центнер, и на продажу его книг это никак не влияет.

Павел был философом по жизни и по образованию. Поступая на философский факультет, он не слишком задумывался о том, чем будет заниматься после окончания вуза. Он с упоением изучал труды Ницше и Шопенгауэра, штудировал трактаты мыслителей древности. Проблема всплыла ближе к концу обучения. В теоретиках нужды не было. Философия

дает широкий спектр знаний и ни одной конкретной специальности. Кто пошустрее после вуза подсуетились. Одни подались в политику, другие — в бизнес.

Для Павла эти дорожки были заказаны. Он был из тех редких индивидуумов, кто не мнил, будто знает, как управлять государством. Власть его не привлекала. У него никогда не возникало желания быть среди тех, кто вершит судьбами людей и принимает важные решения. К тому же он не умел интриговать, а без этого таланта соваться во власть не следовало. Куда комфортнее находиться в зрительном зале и наблюдать за происходящим со стороны.

С бизнесом обстояло еще хуже. Деловая жилка у Павла напрочь отсутствовала. Еще в студенческие годы один родственник с Дальнего Востока предложил ему наварить на продаже черной икры, заверяя, что дело верное. В результате Павел едва не загремел на скамью подсудимых за сбыт контрафактного товара, сдал всю икру, а потом еще несколько месяцев расплачивался за нее с продавцом. После того случая любое упоминание о бизнесе вызывало у незадачливого перекупщика оторопь. Так что он навсегда зарекся пробовать себя в роли предпринимателя.

Единственное, что оставалось бедному выпускнику-гуманитарию, — уйти в науку. Павел числился среди лучших студентов, поэтому вопросов с аспирантурой не возникло. Проблема была в одном — за науку не платили. Научные изыскания были занятием безденежным и перспектив не сулящим, поэтому бывшие одноклассники смотрели на него как на лужу. Движимые желанием помочь убогому, ему предлагали работу менеджера по продажам или агента недвижимости, но Павел неизменно отказывался.

Во-первых, гордость мешала принимать подачки от тех, кто еще недавно стрелял у него конспекты и ждал подсказок. Во-вторых, единственным, что его по-настоящему увлекало, была наука. Он не хотел спускать жизнь в канализацию, занимаясь нелюбимым делом.

Павел из кожи вон лез, пытаясь оправдать цитату Конфуция: «Делай любимое дело — и тебе ни дня не придется работать». Но философ древности не уточнил, что прежде, чем поймать золотую рыбку, нужно тысячу раз забросить невод и вытащить его с тиной морскою. Павлу пришлось покрутиться на безденежье и хлебнуть унижения. Он брался за любой приработок: от репетиторства до написания курсовых. Тогда искусственный интеллект еще не отобрал эти скудные крохи заработка у деятелей науки. Унизительнее всего было сидеть иждивенцем на плечах у жены. В ожидании защиты Татьяна пахала на трех работах.

Светлый день пришел, и он с ужасом убедился, что кандидатская степень так же бесполезна, как кодовый замок в пещере аборигена. Павел от отчаяния занялся извозом. И тут в серой беспросветности блеснул луч удачи: Павлу заказали статью для глянцевого журнала. Дорогой имиджевый журнал имел легкий налет желтизны — куда же без скандалов, — но главред претендовал на нечто большее. Он хотел придать изданию солидности и вывести его на новый уровень. От Павла требовалось рассказать про пифагорейство так, чтобы это было интересно и понятно даже людям среднего интеллекта и без особой тяги к знаниям.

Приступив к работе, Павел понял, что нашел дело по душе. Статья получилась живая и остроумная. В редакцию посыпался шквал положительных от-

кликов. После успешного дебюта ему сразу же предложили вести собственную рубрику «Философия с улыбкой».

Философия — странная наука: обо всем и ни о чем. Как выразился некто остроумный, заниматься философией — это все равно что в темной комнате ловить черную кошку и время от времени кричать: поймал!

Вопреки советам умных людей оставить это бесполезное занятие, Павел продолжал гоняться за черной кошкой, пока другие делали карьеру. Он не издавал победных кличей, понимая тщетность своих усилий, поэтому и сам не поверил, когда реально ухватил удачу за хвост.

Старт был дан. Кто бы мог подумать, что именно эти пустячные статейки вымостят ему дорогу в литературу.

Многие считали, что он мгновенно взлетел на литературный олимп. Чужой успех всегда кажется удачей, свалившейся с небес. На самом деле за любым успехом стоит титанический труд, который далеко не сразу приносит плоды.

Павла окрылила возможность наконец делать то, что ему действительно интересно. Он с головой погрузился в творчество. У него оказалось на редкость легкое перо. Он умел просто и занимательно писать о сложных вещах, переплавляя казуистику философских учений в истории, понятные каждому.

По совету редактора журнала Павел начал вести свой блог. Соцсети пожирали уйму времени, давая мизерную отдачу, но игнорировать их было бы ошибкой. Цифровое время внедряло новые правила. Реальный человек как бы подменялся электронным аналогом. Если тебя нет в сетях, ты исчезал с радаров.

Популярность Павла росла. Шутливые видео на философские темы набирали аудиторию. К тому времени, как к нему обратилось издательство, у него уже была внушительная аудитория поклонников. Для издателей Павел был находкой. Он не корчил из себя аристократа от литературы, из тех, кто при слове «самореклама» брезгливо морщит нос, как будто им навозом воняет. Он считал, что продвижение — это такая же работа, как и творчество.

В книжном деле существует негласный закон: популярность книги прямо пропорциональна усилиям автора по ее продвижению. Если писатель самоустранился, полностью переложив раскрутку на издательство, тираж легко может осесть на складе. Издание книги — это как первый полет птенца. Тебя выталкивают из гнезда, а дальше крутись как хочешь, и если тираж зависнет, то извини, дорогой, никто с тобой возиться не станет. Будь ты хоть Толстой или Чехов. Если книги не продаются — это приговор.

Павел считал себя не столько писателем, сколько просветителем. Он помогал широкому кругу людей познакомиться с трудами философов. Ради популяризации науки был готов проводить презентации в магазинах, ходить по библиотекам и читать лекции, даже если послушать его пришлось всего пять человек.

Мечта любого автора — попасть на телевидение, но для пришельцев извне оно было недоступно, как хранилище Федерального резервного банка. Все двери в святая святых были не просто закрыты, а задраны намертво, как люки подводной лодки. Однако пришло время, когда и «Останкино» заметило восходящую звезду российской литературы — Павла Казанцева.

Павла позвали в передачу «С добрым утром!». Она шла чудовищно рано, но жена заверила, что у программы немало поклонников. Многие смотрят ее перед уходом на работу. В любом случае это была первая ласточка. Почти сразу же Павла пригласили в качестве гостя на программу к Насе Коти «Неформальная беседа». Передача имела высокий рейтинг, и попасть на нее было большой удачей. Жаль, мать не дожила до этого момента. Вот кто был истинным адептом голубого экрана. Она бы искренне гордилась своим сыном.

Впрочем, Павел и сам был горд, потому что его пригласили не в качестве автора популярных книжек, а как писателя. Все философские книги, постоянно попадающие в списки бестселлеров, значили для него меньше, чем один художественный роман. Павел писал его для себя, не рассчитывая, что у него когда-либо появятся читатели. Ему нравилось мысленно разыгрывать сцены из чужой жизни, спорить с норовистыми героями, которые подчас выходили из-под контроля, сводя на нет могущество их создателя. Работая над романом, Павел испытывал эмоции, несопоставимые с теми, что он ощущал, когда писал журнальные статьи или научно-популярные книги. К его удивлению, «Алхимию счастья» опубликовали. Более того, роман вызвал широкий резонанс.

Всплеск популярности был приятен, но не это побудило Павла сесть за второй роман. Признание — ничто по сравнению с моментами творческого экстаза. Тот, кто хоть раз пережил его, будет вновь и вновь искать вдохновения. Если первый роман писался легко, то второй вынашивался в муках. Его рождение по-

требовало столько сил и боли, что звание «писатель» перестало быть для Павла обозначением профессии и обрело глубокий, сакральный смысл.

Павел буквально на днях завершил работу над «Усталостью ангела». Рукопись ждали в издательстве, но он не спешил ее отсылать. Хотел пройти еще одной редактурой, в последний раз насладиться общением один на один с героями, ставшими родными, прежде чем отдавать роман на суд людей.

Перед интервью Павел не волновался. Преподавание в университете и поездки с лекциями по стране позволили приобрести хорошую закалку. От приглашений не было отбоя. Философия — тема благодатная: она позволяет охватить самый широкий круг интересов. Можно, не углубляясь в суть, создать у слушателей иллюзию, что они стали умнее и научились разбираться в принципах бытия. Несмотря на то что лекторская деятельность приносила неплохой доход, в последнее время Павлу приходилось часто отказываться от выступлений. Философско-просветительская деятельность отошла на второй план, потому что работать над романом в дороге не получалось.

Настя Коти была уже в студии. Павла удивляла нынешняя тенденция к упрощению имен. Сплошь были Насти, Саши, Маши. Впрочем, стриженной под мальчика мускулистой девице мало подходило женственное имя Анастасия. Судя по накачанным мышцам, в спортзал она ходила регулярно, причем не только на беговую дорожку.

Журналистка отсканировала взглядом не слишком спортивную фигуру Павла, отметила, что

в студии, прогретой софитами и электроникой, он чувствует себя некомфортно, но тем не менее не решается сбросить пиджак. Ему легче терпеть неудобства, чем взбунтоваться. Такого ничего не стоит подмять под себя.

Говорят, человеку достаточно семнадцати секунд, чтобы оценить собеседника. На сей раз потребовалось даже меньше, чтобы эти двое почувствовали взаимную антипатию. Впрочем, Павел и не рассчитывал на теплый прием. Перед тем как идти на эфир, он посмотрел несколько передач и знал, что для Коти важнее не познакомить зрителей с достоинствами гостя, а размазать его, при этом подчеркнув собственную значимость и эрудицию. В отличие от Востока, где самым страшным грехом считается позволить человеку «потерять лицо», для некоторых наших телевизионщиков это средство поднять рейтинг передачи.

Настя Коти сразу же дала понять, что легко не будет. Вместо привычной практики перед интервью ознакомить гостя с вопросами она заявила, что спонтанный разговор выглядит более естественным и непринужденным.

Софиты высветили пару низких кресел и журнальный столик, на котором лежали книги приглашенного автора. Камеры, связанные пуповиной змеящихся по полу кабелей, и вся закадровая команда отступили в полумрак.

— У нас в студии Павел Казанцев. Писатель, автор популярных книг по философии. Или все-таки автор романа «Алхимия счастья»? С кем мы познакомимся сегодня?

— Я не знаю. У вас в сценарии должно быть отмечено, кого из двоих вы пригласили, — парировал Павел.

— А между этими двумя есть разница?

— Огромная. У Кена Кизи есть книга «Удивительная жизнь Билли Миллигана», где он, как дипломированный психолог, описывает клинический случай человека, внутри которого уживались двадцать две различные личности: маленькой девочки, вора-домушника, подающего надежды художника, врача англичанина, сербского боевика... Когда проявлялась одна личность (Билли называл это «вставала на пятно»), в нем открывались необычные таланты и знания, менялись даже манера говорить и акцент. Так вот, когда у меня «встает на пятно» писатель, ученый молчит.

— А каков настоящий Павел Казанцев?

— Неинтересная, тусклая личность. Хорошо, что сегодня не он ваш гость. Он бы испортил вам все интервью.

Начало было неплохим. Прогулка по минному полю беседы обещала быть интересной. Павел любил импровизировать, и пикировка острыми репликами доставляла ему удовольствие. Если бы только не жара!

— А у вас не диагностировали биполярное расстройство? Надеюсь, вас не пугают неудобные вопросы?

— Что вы! Какое может быть неудобство! История знала безумцев среди писателей: Гоголь, Эдгар По, Франц Кафка. И это далеко не весь список. Да и среди философов их было немало: Ницше, Кьеркегор, Шопенгауэр... Так что чуточка сумасшествия делу не повредит.

— Раньше ваши книги выходили чаще. Это проявление экзистенциальности¹ или банально неудобно сидеть на двух стульях?

Павел про себя улыбнулся. Девочка решила продемонстрировать, что знает умные слова? В данном случае она ступила не на свою территорию. Он не стал щелкать ее по носу за неверное употребление термина. Опускать людей и давить на них своей эрудицией было не в его натуре. Вместо этого он просто бросил:

— Это козетка.

Увидев недоумение, промелькнувшее на лице журналистки, он понял, что у нынешних акул пера не хватает словарного запаса, и пояснил:

— Маленький диванчик для двоих, похожий на соединенные друг с другом кресла. Собеседники сидят под небольшим углом друг к другу, что делает беседу более интимной. Такое изобретение могло появиться только во Франции. Главное, как бы ни сел, все равно удобно.

— То есть вы можете одновременно писать и роман и статьи? Вам это не мешает?

— Нисколько. В какой-то мере это даже помогает. Психологи рекомендуют время от времени переключаться на другую деятельность. Это своеобразный отдых.

— Ваши коллеги считают, что вы потеряли профессионализм, занявшись научно-популярной лите-

¹ Направление философии, главным предметом изучения которого является противоречие сущности человека и его существования. Бытие человека индивидуально, но он живет в обществе, которое подавляет индивидуальность.

ратурой. Вас называют — простите — шарлатаном, шутом от науки. Как вы к этому относитесь?

Если журналистка ожидала, что этой репликой выбьет Павла из седла, то просчиталась. Когда вышли его первые книги по популярной философии, на Павла обрушился такой поток пасквильных комментариев со стороны коллег по науке, что теперь вопрос показался ему затертым, как лоснящиеся штаны бомжа.

— Скажу словами Шопенгауэра: «Восклицать: “честь выше жизни” — значит, в сущности, утверждать: “наша жизнь — ничто, суть в том, что думают о нас другие”».

— То есть честь, по-вашему, ничего не стоит?

— Боюсь, вы истолковали Шопенгауэра неверно. Он говорил о чужом мнении. Почему оно должно меня волновать? Мне кажется, что нести знания людям — это более почетная миссия, чем писать сухие статьи в закрытые издания, которые читают единицы. Большинство академических брошюр и монографий пылятся на полках, так и не найдя своего читателя.

— Вы считаете себя выше других? Деятельность ваших коллег не важна?

— Я этого не говорил. Просто каждый должен быть на своем месте. Кто-то делает открытия, а кто-то доносит их до масс. Кому-то интересно двигать науку, а для меня важно сделать ее близкой и понятной людям.

— Прежде философия считалась царицей наук. А сейчас век цифры. Ей на смену пришла математика. Кому нужна философия?

— Если читатель голосует за мои книги рублем, значит, моя работа небесполезна. Кстати, кто, по-вашему, стоял у истоков цифровой эры?

— Эйнштейн, — без запинки выпалила журналистка.

— Отнюдь. Пифагор... который был не только математиком, но и философом. Пифагор создал общество пифагорейцев, которые считали, что в основе мироустройства лежат числа. Мы не изобрели ничего нового. Просто вернулись к идеям великого грека. Кстати, об этом вы можете прочесть в моих книгах.

— Если вы уверены, что выполняете важную миссию, зачем уходить от псевдонауки в беллетристику?

— «Псевдонаука» в переводе с греческого означает «ложная наука», а в моих популярных книгах нет ничего ложного. Сложные концепты они излагают простым языком, понятным даже ребенку, но это не делает их псевдонаучными. Все факты в них выверены и соответствуют действительности.

— И все же вы не ответили на вопрос. Почему вдруг художественная проза? Вам не давала покоя слава писателей-романистов?

— То, что делается ради славы, редко приводит к успеху. Это удалось разве что Герострату. Но сожжение храма вряд ли можно назвать успехом. Меня подтолкнул к этому инстинкт ученого. Было интересно исследовать область, которую я еще не знал.

— За последние два года вышло две научно-популярные книги и ни одной художественной. В чем причина?

— В философии я на своей территории. Что до художественного романа, там приходится пробираться ощупью.

— А может, причина в том, что в одном случае вы можете паразитировать на чужих мыслях, а в другом приходится искать собственные?